

Дмитрий Несанелис

**Благодарная память.
К 100-летию со дня рождения
Василия Васильевича Налимова**

Василий Васильевич Налимов (1910–1997) — выдающийся отечественный ученый, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета, автор многочисленных трудов по математике, психологии, языкознанию, философии науки, наукометрии. Исследования В.В. Налимова переведены на английский, французский, польский, венгерский, арабский языки. В России достаточно широко известны такие его книги, как «Вероятностная модель языка» (М., 1979), «Спонтанность сознания» (М., 1989), «Канатоходец» (М., 1996). Василий Васильевич был сыном первого профессионального коми этнографа Василия Петровича Налимова (1879–1938). Влияние этнографических интересов и разысканий В.П. Налимова угадывается и в некоторых работах его сына.

Дмитрий Александрович Несанелис
ООО «ЛУКОЙЛ-Коми»,
Усинск
dnesanelis@mail.ru

Предлагаемый вниманию читателей материал включает две части: воспоминания о Василии Васильевиче Налимове и письма ученого к автору, в которых, в частности, обсуждается этнологическая проблематика.

Весной 1987 г. я активно работал над диссертацией, посвященной обрядам, этикету и детским играм в коми деревне XIX — начала XX в.¹ Мои коллеги по сектору этнографии Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Коми филиала АН СССР Н.Д. Конаков и Ю.П. Шабаев (позже написавшие обобщающий историографический труд по этнографии коми [Конаков, Шабаев 2007]) посоветовали мне тогда внимательно прочитать статьи по народной культуре коми-зырян и пермяков, вышедшие в начале XX в. из-под пера Василия Петровича Налимова.

Его исследования, в особенности «Загробный мир по верованиям зырян» и «Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян» [Налимов 1903; Налимов 1907], опубликованные в «Этнографическом обозрении», оказались очень интересными и полезными; их прочтение значительно помогло осмыслить и систематизировать собранные полевые, архивные и литературные данные. Примерно в это же время мой друг и коллега, доцент Сыктывкарского государственного университета (а ныне — доктор исторических наук и профессор этого университета) Виктор Анатольевич Семенов познакомил меня с переводом статьи В.П. Налимова «К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян», изданной впервые в 1908 г. в Хельсинки на немецком языке. Вероятно, название этой статьи в то время звучало еще не вполне привычно, поэтому в России она была напечатана только в 1991 г. в сборнике «Семья и социальная организация финно-угорских народов» [Налимов 1991].

Прекрасно помню, как мы с Виктором Анатольевичем и другими нашими коллегами несколько раз возвращались к обсуждению этой, без преувеличения, пионерской работы Налимова. Пользуясь современными научными терминами, можно было бы сказать, что многие наблюдения и идеи, изложенные в статье, посвящены особенностям проявления универсального принципа «полового диморфизма» в традиционной культуре коми. В наши дни антропологическая проблема, остро интересовавшая Налимова, формулируется как «этнические стереотипы мужского и женского поведения» и шире — гендерные исследования. Попыткой развить наблюдения В.П. Налимова на материалах коми этнографии и фольклора (успешность которой оценивается по-разному) можно, по-видимому, считать недавно вышедшую монографию И.В. Ильиной

¹ Позднее материалы диссертации вошли в монографию [Несанелис 2006].

и О.И. Уляшова «Мужчина и женщина в традиционной культуре коми» [Ильина, Уляшов 2009].

Следует упомянуть, что научные разыскания В.П. Налимова были высоко оценены современниками. 15 октября 1907 г. на годичном собрании Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии В.П. Налимову за его «ценные работы» по этнографии зырян и в «благодарность за доставленные Обществу материалы о зырянах» была вручена большая серебряная медаль. Кроме того, исследователь получил диплом общества, подписанный известными российскими учеными В.Ф. Миллером и Д.Н. Анучиным [Несанелис, Семенов, Агапитова 1993].

Несколько позже исследования были продолжены в Финляндии. Именно там Налимов основательно систематизировал те обширные экспедиционные материалы, которые собирались им на протяжении нескольких лет. Эта работа была закончена в 1910 г. и представлена коллегам в виде трех томов рукописных «Материалов по этнографии зырян и пермяков». Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии наградило автора этого труда премией великого князя Сергея Александровича. Профессор А.Н. Максимов, откликнувшийся на него рецензией в «Этнографическом обозрении», подчеркивал: «В.П. Налимов как природный зырянин, свободно владеющий зырянским языком и до сих пор сохранивший много личных связей с зырянами, находился в особо благоприятных условиях. Он имел возможность проникать в такие интимные стороны народной жизни и верований, куда доступ постороннему наблюдателю очень труден. Даже там, где он дает отрывочные сведения, они иногда проливают новый свет». Оценивая этот труд в целом, рецензент отмечал, что «материалы Налимова представляют серьезный вклад в дело изучения зырян и пермяков, литература о которых, особенно о первых, очень небогата» [Отзыв 1910: 268]. Мнение А.Н. Максимова разделяли многие крупные этнографы. Сегодня трехтомная рукопись хранится в Архиве финно-угорского общества в Хельсинки (Suomalais-Ugrilainen Seuran Arkisto). Вероятно, только очень значительный объем трехтомных материалов объясняет, почему этот фундаментальный труд остается пока неопубликованным.

Одним из промежуточных итогов обсуждений работ В.П. Налимова, которые проходили чаще всего в рамках неформальных семинаров в ИЯЛИ Коми филиала АН СССР, стал доклад, прочитанный автором этих строк на конференции «Методологические проблемы изучения истории общественной мысли народов России» в Казани в 1988 г. Он был посвящен тому, как Налимов понимал категории *пеж* 'нечистое' и *состом* 'чистое,

святое⁷ в пространстве двоичных противопоставлений (в частности, женское—мужское) в обрядах и этикете коми, и вызвал немало вопросов и оживленный обмен мнениями участниками казанской конференции. Отчасти именно этот интерес стимулировал написание ряда историографических и биографических работ о научном наследии и судьбе ученого, подготовленных совместно с В.А. Семеновым [Несанелис, Семенов 1990; Несанелис, Семенов 1991; Несанелис, Семенов 1996; Несанелис, Семенов 1997]. Несколько позже был опубликован ряд очень содержательных исследований о В.П. Налимове, которого можно рассматривать не только как коми этнографа, но отчасти географа и финно-угроведа весьма широкого звучания [Лимеров 2000; Шарапов 2000; Терюков 2007; Чагин 2007].

Если обращение к упоминавшимся работам В.П. Налимова, а также к его разысканиям, опубликованным в советское время в журнале «Коми му» («Земля коми»), позволило нам и нашим коллегам составить представление об этнографических взглядах и интересах ученого, то его биография оставалась почти неизвестной. Очень краткий очерк «Ученый-этнограф» был помещен в небольшой краеведческой брошюре С.И. Налимова (земляка Василия Петровича и, вероятно, его родственника) «Преображенное село»¹, вышедшей в 1977 г. [Налимов 1977: 37–39]. Вероятно, подробное изучение судьбы Налимова не слишком приветствовалось в советское время потому, что ученого дважды арестовывали по политическим статьям в 1930-е гг., а завершился его земной путь при не вполне выясненных обстоятельствах в 1939 г. в сыктывкарской пересыльной тюрьме.

Пожалуй, коми этнографии в этом отношении вообще долгое время не слишком везло. У ее истоков, кроме В.П. Налимова, находились также замечательный ученый и писатель Каллистрат Жаков, считавшийся долгие годы «белоэмигрантом и реакционным философом-идеалистом», а также выдающийся мыслитель Питирим Сорокин, которого именовали более мягко — «буржуазным социологом». В советской литературе Сорокин был известен преимущественно благодаря посвященным ему хлестким виршам Демьяна Бедного («Пити-пити-Питирим, / Питирим — питим — питим, / Ах, Сорока-белобока, / Как высоко мы летим!»), а в научных и справочных трудах его имя упоминалось в основном в связи с известной статьей Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина».

В качестве любопытной иллюстрации уместно упомянуть докладную записку с грифом «секретно», поступившую 20 апреля 1935 г. в Коми республиканскую комиссию партийного

¹ Имелось в виду старинное коми село Вильгорт на реке Сысолье.

контроля. В ней излагались результаты проверки фондов и экспозиции Историко-краеведческого музея в Сыктывкаре, директором которого в то время был известный этнограф Георгий Афанасьевич Старцев, автор ряда содержательных исследований по традиционной культуре коми и ненцев. В документе, в частности, отмечалось, что «он [Г.А. Старцев. — *Д.Н.*] использовал в качестве экспонатов портреты контрреволюционера Сорокина (с надписью — “контрреволюционер Сорокин”), голую вульгарную фигуру и до момента проверки не были сняты фотоснимки с портретами ныне исключенных контрреволюционеров» [ЦГА РК. Ф. 148. Оп. 1. Д. 56. Л. 36].

Нельзя не признать, что «контрреволюционером» Питирим Сорокин назван в докладной записке вполне справедливо. Один из руководителей правого крыла партии социалистов-революционеров, личный секретарь А.Ф. Керенского в его бытность премьер-министром Временного правительства, Сорокин однозначно не принял большевистский переворот. Его конфликт с новой властью закончился тем, что по указанию Ленина в 1922 г. Сорокина выслали из Советской России.

Существенное изменение оценок научного, литературного и философского наследия Жакова, Налимова и Сорокина совпало со 100-летием последнего (и 110-летием Налимова), отмечавшимся в 1989 г., когда стали отчетливо звучать альтернативные суждения, или, по крайней мере, существенно отличавшиеся от тех, которые зафиксированы учебниками, энциклопедиями и «докладными записками» предшествующего времени. В январе 1989 г. в ИЯЛИ Коми филиала АН СССР состоялось очередное заседание — так называемая «академическая среда». Директор института Анатолий Дмитриевич Напалков и его заместитель по науке Элеонора Анатольевна Савельева взяли на себя смелость посвятить январскую «среду» юбилею Сорокина и отчасти Налимова.

Однако эта затея казалась тогда еще достаточно рискованной, поэтому, вероятно, прочитать юбилейный доклад об этнографических занятиях П.А.Сорокина и В.П. Налимова было предложено аспиранту (автору этих строк) и известному вольнодумцу, археологу и литератору, преподавателю Сыктывкарского университета Виктору Семенову. Сам наш совместный доклад, кажется, был воспринят аудиторией достаточно благоприятно. Однако значительно больший интерес (имевший по тем временам несколько скандальный оттенок) вызвал незапланированный содоклад блестящего математика, философа и яркого диссидента Револьта Пименова о социологической теории культуры Питирима Сорокина, изложенной в его фундаментальной «Социальной и культурной динамике», тогда еще недоступной большинству советских читателей.

С Револьтом Ивановичем и его женой Виленой Анатольевной меня незадолго до этого познакомил Виктор Семенов. Узнав от нас за чашкой чая об «академической среде», Пименов решил принять в ней участие. Следует, наверное, упомянуть, что Револьт Иванович и его жена были близкими друзьями Андрея Дмитриевича Сахарова и Елены Боннэр. Последний визит академика Сахарова был как раз в Сыктывкар. Он приезжал туда, чтобы поддержать на выборах Револьта Ивановича. И если нас с Виктором Семеновым в то время интересовали этнографические труды Василия Петровича Налимова, то Револьта Ивановича несколько позже привлекли математические работы его сына, Василия Васильевича, познакомиться с которым мне предстояло совсем скоро...

Едва ли не единственная оценка научного наследия одного из основоположников коми этнографии, прозвучавшая до наших с Виктором Семеновым совместных работ, была сформулирована в 1978 г. религиоведом Ю.В. Гагариным. Он полагал, что историческая интерпретация В.П. Налимова древнего коми язычества и православного христианства «отражала общую тенденцию представителей буржуазно-националистического течения, которое в 20-е годы охватило часть советской интеллигенции» [Гагарин 1978: 22]. Примечательно, между прочим, что, цитируя в этой связи статью Налимова «К материалам по истории материальной культуры коми», Гагарин допустил некоторую неточность: вместо «социальной солидарности», как сказано в оригинале, он писал о «социальной справедливости», что искажало смысл рассуждений Налимова.

Через некоторое время после казанской конференции я оказался в длительной научной командировке в Москве. Однажды мы с моим другом, лингвистом Алексеем Гиппиусом, добирались на метро из одного конца города в другой. В вагоне мы обменялись недавно написанными статьями, чтобы выслушать в конце пути соображения друг друга. Я вручил своему спутнику статью об этнографических исследованиях В.П. Налимова. Комментарий Алексея оказался неожиданным. Он сообщил, что его добрый друг и коллега, филолог Александр Страхов, хорошо знаком с профессором МГУ, математиком Василием Васильевичем Налимовым. Фамилия и отчество, а также некоторые косвенные детали дали основание полагать, что, возможно, речь идет о сыне Василия Петровича. Через несколько дней А.Б. Страхов подтвердил это предположение и передал нам с Алексеем домашний телефон Василия Васильевича (замечу в скобках, что в работах Василия Васильевича содержится целый ряд ссылок на исследования Александра Страхова).

Наша первая встреча состоялась в небольшой, очень уютной московской квартире Василия Васильевича по улице Удальцова поздней осенью 1989 г. Дверь мне открыла его жена Жанна Александровна Дрогалина-Налимова. Она приветствовала меня очень сердечно. Возникло впечатление, что мы знакомы уже достаточно давно. Удивительное обаяние Жанны Александровны во многом определяло эмоциональную атмосферу дома. Через некоторое время мне довелось познакомиться с ее необычайно интересными трудами по трансперсональной психологии, написанными частично в соавторстве с Василием Васильевичем. Вероятно, Жанна Александровна заметила, что я замерз. Во всяком случае, через несколько минут она принесла в комнату горячий ароматный кофе, который помог быстро согреться. Тем временем мы познакомились с Василием Васильевичем. Ему было тогда уже 78 лет, 18 из которых он провел, как я узнал позже, в сталинских тюрьмах, колымских лагерях и длительной ссылке. Несмотря на почтенный возраст, мой собеседник выглядел исключительно бодро и подтянуто. Его речь была речью старой московской интеллигенции. Весь облик Налимова отличался удивительным благородством. Это же внутреннее благородство окрашивает, на мой взгляд, и многочисленные книги, вышедшие из-под его пера.

Рабочий стол, стоящий у окна, украшали превосходные часы с маятником и оригинальное резное распятие. Оба предмета занимали свое место отнюдь не случайно. Маятниковое движение как особое проявление пространственно-временных ритмов интересовало Налимова на протяжении многих лет. В Лаборатории исследований аномальных явлений Принстонского университета (США) он осуществил целую серию удивительных экспериментов, призванных, в частности, выявить в сознании человека как бы семантический аналог физического маятника. Близкий круг идей на основании анализа этнографических данных мы обсуждали вместе с моим другом и коллегой Валерием Шараповым в специальной статье, привлекавшей внимание В.В. Налимова [Несанелис, Шарапов 1996; см. также: Несанелис, Шарапов 1995]. Любопытно, однако, что сама эта статья во многом обязана своим появлением нашему знакомству с идеями Налимова, которые можно условно обозначить как «маятник & mind».

Несколько слов необходимо сказать об упомянутом резном распятии. Не раз мы говорили с Василием Васильевичем о религиозности крупнейших ученых XX в., главным образом физиков и математиков. Религиозные основания миропонимания самого Налимова тоже не оставляли никаких сомнений. Близкое к тому, что мне неоднократно пришлось слышать в различных вариантах непосредственно от Василия Васильевича,

я прочитал позже в его замечательной книге «В поисках иных смыслов»: «Наш исходный постулат: в Мире есть Тайна. Не надо пытаться ее разгадать, ибо тогда мы разрушим ее — вульгаризируем, упростим, редуцируя грандиозное к привычному» [Налимов 1993: 3]. Уместно привести и другую цитату: «Когда я начинаю писать книгу философской направленности, мне хочется, чтобы в ней прозвучали и научные, и эстетические, и религиозные ноты» [Там же: 31]. Однако сам ученый не принадлежал ни к одной из церквей. «Все официальные конфессии остаются погруженными в далекое прошлое. *Они не хотят видеть того, что изменился сам человек*» [Там же: 33]¹.

Эту мысль он неоднократно развивал в наших разговорах. Василий Васильевич склонен был относиться к официальному западному и восточному христианству достаточно критично. Он полагал, что близкие к государственной власти католичество и православие неоправданно ограничивают свободную творческую мысль и отнюдь не поощряют столь высоко ценимое им разномыслие. Кроме того, и это особенно важно, Налимов считал, что некоторые основания христианства, ориентированные на эсхатологическую перспективу, могут подразумевать не союз человека с природой, а лишь стремление покорить ее.

В этом отношении отрицательные последствия так называемого «научно-технического прогресса» связывались ученым с принципами, вытекавшими, по его мнению, из той части христианской доктрины, которая унаследовала ветхозаветное понимание роли человека на Земле. Он неоднократно цитировал 28 стих 1 главы книги Бытия: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле».

В.В. Налимов вслед за своим отцом полагал, что в глобальном экологическом отношении древнее язычество (в том числе и предков коми) выглядит явно предпочтительнее христианства. Несмотря на внутреннюю логику приводимых Василием Васильевичем аргументов, я придерживался (и продолжаю придерживаться) если и не альтернативной, то, по крайней мере, существенно иной точки зрения. Однако дискуссии и свободная полемика с выдающимся ученым помогли мне более внятно формулировать собственные мысли; позже они нашли отражение в наших совместных с профессором

¹ Курсив в авторском тексте не случаен. Большинство трудов, написанных Налимовым в последние годы жизни, прямо посвящены вопросам культурной антропологии. Вряд ли можно считать случайным и то, что многие из них опубликованы в журнале «Человек».

Н.М. Терехихиным статьях по этноэкологии и истории Русской православной церкви [Несанелис, Терехихин 2005а; Несанелис, Терехихин 2005б; Несанелис, Терехихин 2008], а сейчас, в частности, излагаются в моих лекциях по культурной антропологии для студентов Ухтинского государственного технического университета.

Вместе с тем, скептицизм Налимова по отношению к основным направлениям исторического христианства и церкви отнюдь не отменял стремления понять и почувствовать то сокровенное, что несет в себе личность Спасителя. Более того, Василию Васильевичу, несомненно, была очень близка та ветвь восточного христианства, которая связывается с мистическим опытом греческих исихастов и святителя Григория Паламы и богословским наследием русских нестяжателей во главе с преподобным Нилом Сорским. (Из православных мыслителей XX в. Василию Васильевичу были близки о. Павел Флоренский и Г.П. Федотов, им широко и сочувственно цитировавшийся.) Об этом сам Налимов со всей определенностью писал в своей замечательной книге «Искушение Святой Руси», подготовленной преимущественно еще в 70-е гг. прошлого века, но увидевшей свет только в 2001 г. благодаря усилиям Ж.А. Дрогалиной-Налимовой и яркого сыктывкарского философа Игоря Федоровича [Налимов 2001: 50–53].

Еще во время первой встречи я обратил внимание на то, что на рабочем столе Василия Васильевича лежало очень много бумаг, раскрытых книг и репродукций. Было очевидно, однако, что они разложены в идеальном порядке. Стройность и четкость отличают и сочинения Налимова, что, впрочем, отнюдь не мешало ему рассматривать некоторые свои, преимущественно поздние тексты как «нелинейные». Стены рабочего кабинета, где обычно проходили наши встречи, были заняты книжными шкафами и полками. Названия книг свидетельствовали о широте научных и философских интересов хозяина дома: математика, кибернетика, различные направления психологии, лингвистика, история, антропология... Рядом с монографиями и журналами на русском — научная и художественная литература на английском, немецком, французском, испанском, венгерском, арабском. Среди солидных томов на разных языках я быстро разглядел и книги самого Налимова. Через некоторое время я узнал, что наиболее известной и исключительно высоко оцененной международным научным сообществом является книга “Faces of Science” («Облики науки»), которая была удостоена престижной премии в области наукометрии [Nalimov 1981]. (В этой связи необходимо назвать еще две его книги — «Применение математической статистики при анализе вещества» (1960; “The Application

of Mathematical Statistics to Chemical Analysis”, 1963) и «Статистические методы планирования экстремальных экспериментов» (1965; “Statistical Methods for Design of Extremal Experiments”, 1968; в соавторстве с Н.А. Черновой), которые стали «классиками цитирования» по оценкам американского Института научной информации.)

Однажды, когда я завершал написание диссертации, у нас состоялся один из наиболее интересных и запомнившихся мне диалогов. Это было, если мне не изменяет память, весной 1991 г. Я сказал тогда, что «хотел бы построить единую, внутренне непротиворечивую этнологическую теорию, определяющую место и роль детской игры в традиционной культуре». Василий Васильевич выразил некоторое удивление по поводу моего намерения. Он подчеркнул, что научный поиск высокого полета вполне может и должен строиться на допущениях, предположениях и идеях, относящихся к самым различным, в том числе и противоположным парадигмам. Получается нечто вроде пирамиды, где находится место кирпичикам разных цветов и оттенков, без которых трудно себе представить подлинную свободу научного или художественного творчества. Вероятно, подобное умонастроение как-то перекликается с «принципом дополнительности» Нильса Бора. В этой связи вспоминается и мысль Сергея Довлатова, полагавшего, что Пушкин мог бы убедительно выразить любую точку зрения.

Василий Васильевич всегда с большим интересом расспрашивал о том, что происходит в Сыктывкаре и в Коми вообще. Особенно его интересовали этноязыковые процессы. Он был рад узнать, что в республике создаются условия для сохранения и развития коми языка. «Правда, — добавил он однажды, — хорошо бы при этом еще прилично знать не только русский, но и английский. Без этого коми культура вряд ли найдет сегодня свое место в мировом культурном пространстве». Это замечание, по-моему, во многом характеризует и самого Василия Васильевича. Лично мне он очень напоминал великого Питирима Сорокина¹, каким я представлял его по книгам, фотографиям и воспоминаниям, в том числе автобиографическому роману “A Long Journey” [Sorokin 1963]. Любопытно, кстати, что известный польский художник Анджей Валицкий, посетивший Сорокина в 1960 г. на его вилле близ Бостона, писал о нем позже: «Он жил в окружении произведений искусств всех времен и культур», но «особенно гордился картинами Кандинского» [Валицкий 1990: 79].

¹ Сорокин начинал в качестве исследователя этнографии коми, что сближает его с гениальным художником Василием Кандинским, написавшим в молодости специальную статью о духовной культуре зырян после этнографической экспедиции на Север [Сальников 2000].

Основатель факультета социологии в Гарварде, один из культурных героев XX в., Сорокин органично соединил в своей судьбе, научных исследованиях и педагогической деятельности опыт коми, российской и западной культуры (см.: [Несанелис, Семенов 1999; Голосенко 1991; Кротов, Липский 1990]). То же самое вполне можно сказать и о Василии Васильевиче. Когда мы встретились с Жанной Александровной уже после его смерти, она показала мне несколько фотографий, сделанных в Париже, где Налимов выступал с циклом докладов: «Вот посмотрите, здесь — respectable западный профессор. А вот он сидит на берегу Сены — настоящий коми морт» (коми ‘человек, мужчина’). Мне кажется, что одновременная принадлежность к нескольким культурным традициям во многом обусловила широкий, полифоничный строй мысли этого удивительного ученого и человека.

В моей библиотеке есть несколько подаренных Василием Васильевичем книг с дарственными надписями, а в личном архиве хранятся его письма, написанные в промежутке между апрелем 1989 и ноябрем 1992 г. В свое время я получил разрешение цитировать их в лекциях и докладах, публиковать на страницах сборников и журналов. Я не спешил воспользоваться этой привилегией. Впервые воспоминания о В.В. Налимове и его письма ко мне были опубликованы в превосходном журнале «Арт», выходящем в Сыктывкаре и получившим международное признание [Несанелис 1999].

Предлагаемый вниманию читателей «Антропологического форума» материал очень существенно дополнен, изменен и отредактирован по сравнению с «артовской» версией. Изменилось и название этих воспоминаний. Некоторые письма снабжены краткими, а другие довольно обширными комментариями, которых не было в первой редакции. Воспоминания посвящены светлой памяти Василия Васильевича Налимова, чей 100-летний юбилей отмечается в этом году.

Не могу не выразить искренней признательности моему другу, соавтору многих наших совместных статей и докладов Валерию Энгельсовичу Шарапову, старшему научному сотруднику отдела этнографии КНЦ УрО РАН, за полезные замечания, которые помогли уточнить и дополнить многие соображения, изложенные в первой версии этого материала.

Считаю приятным долгом выразить также сердечную благодарность Жанне Александровне Дрогалиной-Налимовой за внимание к этому материалу. Некоторые пожелания Жанны Александровны учтены при окончательном редактировании данной статьи.

Глубокоуважаемый Дмитрий Александрович!

Большое спасибо за присланные материалы. Они представляют для меня большой интерес.

Если возможно, пришлите мне, пожалуйста, ксерокопии статей В.П. [Налимова. — *Д.Н.*] из «Коми му»*. В Москве этот журнал найти не просто.

Воспоминания закончу к концу мая**. Все продвигается медленнее, чем я предполагал. Происходит это потому, что я, с одной стороны, значительно углубил тему, с другой — трачу много времени и сил на подготовку к новому факультативному курсу лекций философской направленности.

Как только закончу — немедленно сообщу Вам.

С наилучшими пожеланиями, В. Налимов.

24. IV. 89.

* Речь идет о двух статьях: [Налимов 1924; Налимов 1925]; их ксерокопии Василию Васильевичу были отправлены.

** В это время В.В. Налимов завершал работу над воспоминаниями о своем отце. Они были опубликованы в журнале «Человек», с которым В.В. Налимов активно сотрудничал. См.: [Налимов 1992].

Глубокоуважаемый Дмитрий Александрович!

Поздравляю Вас с наступившим Новым годом и желаю всего хорошего.

Спасибо за присланные Вами материалы.

Написанную Вами главу о В.П. Налимове я прочитал с интересом*. Приводимый Вами фактический материал в основном совпадает с тем, что дано в моих воспоминаниях, — это естественно, поскольку мы пользовались одними и теми же материалами. Правда, я привожу еще и многочисленные материалы, освещающие репрессивные дела. Характер изложения в моих воспоминаниях, конечно, иной. Он, с одной стороны, носит более интимный характер, с другой — освещает (по рассказам отца) облик тогдашней русской интеллигенции. Существенно иначе я освещаю и отношение Василия Петровича к исконному (дохристианскому) миропониманию

коми народов. Мне пришлось не по душе Ваши высказывания на стр. 12**. Я думаю, что этнограф — настоящий этнограф — это всегда прежде всего философ и художник, и тут бессмысленно говорить о стремлении к объективности и научной истине. И сейчас многие мыслители склонны признать, что культуры прошлого обладали большей экологической и социальной мудростью, чем культура современного Научно-Технического Прогресса. Безоглядное — вседозволенное — овладение Природой привело к ее разрушению, угрожающему теперь и гибелью самого человечества. Разве это не так?

Но эту тему мы обсудим при встрече. Весь январь и начало февраля (числа до 10-го) я полагаю быть в Москве, а потом, по-видимому, буду отсутствовать до конца февраля. Рад буду увидеть Вас в Москве.

Спасибо за статью в газете. Я, конечно, не мог ее понять полностью, но содержание отдельных абзацев все же хоть как-то уловил.

Вы упоминаете о фотоальбоме «Большая медведица». Можно ли получить копию с фотографии, где «студент Василий Налимов»***? У меня нет ни одной фотографии В.П. тех лет. Если копию получить нельзя, то сообщите, пожалуйста, полные выходные данные фотоальбома.

С уважением, В.В. Налимов.

4 января 1990 г.

* Осенью 1989 г. я отправил В.В. Налимову предварительный текст главы «Этнограф Василий Налимов», написанной мною совместно с В.А. Семеновым и М.Г. Агапитовой. Она была опубликована в 1993 г. [Несанелис, Семенов, Агапитова 1993].

** Негативную оценку В.В. Налимова вызвал следующий фрагмент из нашей совместной с М.Г. Агапитовой и В.А. Семеновым работы:

«В этом журнале [“Коми му”. — Д.Н.] опубликовано две его [В.П. Налимова. — Д.Н.] статьи: “К этнологии коми” и “К материалам по истории материальной культуры коми”. В этих работах содержится много интересных данных и наблюдений. Вместе с тем, в них ощущается влияние идей географического детерминизма. Налимов писал: “Быт и весь бытовой уклад того или иного народа определяется внешней средой, географическим фактором”. Развивая эту мысль, ученый пришел к спорному выводу о том, что “на Севере народ коми сохранил лучшие

черты человеческого духа, религию социальной солидарности, которая в остальных частях земного шара выродилась в грубые "суеверия"».

Эти и некоторые другие рассуждения этнографа, высказанные на страницах "Коми му", были в определенной степени созвучны идеям и настроениям тех коми ученых и краеведов, у которых чувство национальной гордости в середине 20-х годов преобладало над стремлением к объективности и научной истине» [Несанелис, Семенов, Агапитова 1993: 276–277].

Сегодня, через много лет после публикации этих строк в книге «Они любили край родной», я должен признать, что В.В. Налимов был, несомненно, прав. Говорить об «объективности» в этнологии и в науке вообще, действительно, не приходится. Как пронизательно заметил выдающийся английский антрополог Виктор Тэрнер, «меняются идеи, меняются и факты». Обдумывание влияния экспериментатора на ход физического процесса (особенно на «поведение» частиц в микромире) отсылает и к более глубокой философской проблематике.

Крупные антропологи нашего времени, такие, как Клод Леви-Строс, сочетают, как представляется, научную тщательность с художественным видением мира. Достаточно вспомнить превосходную книгу Леви-Строса «Печальные тропики», которую, на мой взгляд, можно смело назвать научно-художественной. Так что замечание В.В. Налимова о «настоящем этнографе» тоже представляется сегодня глубоким и справедливым. Тем не менее, процитированное рассуждение В.П. Налимова (чьи научные труды и гражданское мужество меня искренне восхищают) и сейчас не вызывает моего сочувствия. Оно в известном смысле воспроизводит архаичную мифологему этноцентризма, которая в современном мире может обладать опасным политическим потенциалом. На мой взгляд, следует признать, что обсуждаемая идея В.П. Налимова не относится к числу его научных достижений. Эти соображения я высказывал и в беседах с Василием Васильевичем.

Некоторые полемические соображения вызывало у меня и другое наблюдение В.П. Налимова. Оно касается его описания и интерпретации народного восприятия языческого вождя Пама Сотника и святителя Стефана Пермского, крестившего коми-зырян в последней четверти XVI в. Излагая фольклорно-этнографические данные, Налимов отмечал, что со времен Пама Сотника местное население продолжает относиться к Стефану весьма враждебно, «считая его колдуном и шарлатаном».

В подтверждение этого тезиса приводилось предание, записанное самим Налимовым в 1908 г. от женщин, направлявшихся

на богомолье в Ульяновский монастырь: «Знаменитый Пам-Шипича, очень удрученный переходом некоторых зырян в православие, сам вырыл себе могилу на берегу Сысолы, лег в нее живьем и произнес свои закликательные слова с обращением к ветру, чтобы ветер засыпал песком его могилу, но в момент, когда свободные и вольные дети Севера свергнут гнет православия, тогда ветер разнесет с его могилы песок, река Сысола обмоет берега, тогда он, Пам-Шипича, с сияющим лицом встанет и поведет свой народ к счастью и свету разума. Узнав об этом, русское духовенство и главный еретик, Усть-Сысольский протопоп, построили на его могиле собор Троицы, чтобы тяжелей было дышать Паму-Шипиче. Но близок час победы: вода обрушивает берег, ветер мечет песок, собор треснул в трех местах. Скоро, скоро придет время, когда собор со своими иконами рухнет в реку, и встанет наш вождь Пам-Шипича. Напрасно зовет протопоп мастеров-архитекторов: они не поправят собора, свалится церковь с иконами и встанет наш вождь» [Налимов 1925: 15].

Прежде всего обращает на себя внимание некоторая литературность этого предания, которое В.П. Налимов предлагал считать народным. Анализ предания в контексте мировоззрения ученого делает правдоподобной гипотезу, согласно которой В.П. Налимов услышал от паломниц в 1908 г. именно *то и так, что и как* услышать он был готов. В качестве выразительной параллели предполагаемой ситуации уместно привести фрагменты воспоминаний о Павла Флоренского, касающиеся психологии восприятия.

«С детства, самого глубокого, слово “яд” меня особенно манило... Да, яд я воспринимал как некую магию, естественную, может быть, но в своей определенности, в своей неизбежности, в неукоснительности и неотвратимости своего действия особенно таинственную и поэтому особенно льстивую, особенно манящую, обещающую особенные сладостно-жгучие волнения.

Это впечатление от слова “яд” связано у меня со словом “Янкель”. Может быть, в каких-то подслушанных разговорах было упоминаемо имя Янкель — может быть, в каком-то жутком применении — не знаю почему, но Янкель, может быть, и по присутствию *Я* и сладкого *кель*, показалось знаменательно-зловещим, каким-то ядовитым, льстиво-коварным и губительным. <...>

Однажды я с тетей Юлей были на балконе, окружавшем наш дом в Батуме. Это было в доме Айвазова <...> мы были на внутреннем балконе. Тетя сажала цветы <...> я же ничего не делал и от безделия взял и сунул в рот кусок зеленой, вроде папиросной, оберточной бумаги и, разжевав его, стал разминать комья,

привлеченный яркостью зеленого цвета <...> Тетя, увидев мое занятие, испуганно одернула меня: “Что ты делаешь! Скорей брось эту бумагу, — я бросил ее поспешно, — и никогда не бери в рот зеленой бумаги. Помни, она окрашена зеленой краской, которая называется “Янкель”, — эта краска “Янкель” очень ядовита, и от нее можно умереть”.

“Янкель” — я вздрогнул. Так вот он, “Янкель”, так я трепетал пред этим словом. *Так, по крайней мере, услышал я* [выделено мной. — Д.Н.]. Теперь-то, я думаю, что тетя сказала не “Янкель”, а “мышьяк”, ибо зеленая краска действительно мышьяковая, но я вместо незнакомого мне слова *мышьяк* <...> услышал более привычное *Янкель*, уже окрашенное ядовитостью» [Флоренский 1992: 43–44].

Интонации предания и контекст, в котором оно изложено, не оставляют сомнений в том, что с оппозицией язычество—православие В.П. Налимов соотносил противопоставление свободы и зависимости. Очевидно, что в понимании Налимова с понятием «язычество» связывалось и представление об этнической самобытности, казавшейся ему особенно ценной и привлекательной. Примечательно, что выдающийся финский этнолог Уно Харва (Хольмберг), опиравшийся, в частности, на материалы Налимова, отмечал, что некоторые доводы, которыми он «подкрепляет свою гипотезу, продиктованы, вероятно, скорее национальными чувствами, а не научной критикой» [Holmberg 1964: 357]. Любопытно, что в своих дневниковых записях, относящихся к февралю 1992 г., я обнаружил просьбу Василия Васильевича прислать ему выходные данные книги Уно Харва. Вероятно, Василий Васильевич был как-то наслышан о некоторых критических замечаниях классика финской этнологии в адрес В.П. Налимова и хотел ознакомиться с ними в оригинале.

*** Имеется в виду фотография из финского этнографического фотоальбома “The Great Bear” («Большая Медведица»), изданного в 1980 г. В нем помещен снимок, сделанный в 1907 г. известным финским этнографом Сирелиусом. Согласно английской подписи, на фотографии запечатлены «учительница Александра Кузиванова, поэт Алексей Чеусов, студент Василий Налимов и его брат» [Iso Karhu 1980: 99]. Налимов помогал Сирелиусу собирать материал и экспонаты в ходе его четырехмесячной этнографической экспедиции по Коми краю. Собранные тогда предметы представлены сейчас в экспозиции Национального музея Финляндии в Хельсинки. Копию фотографии я отправил Василию Васильевичу. Он включил ее в свой материал, посвященный Василию Петровичу (см.: [Налимов 1992, № 3: 96]).

Уважаемый Дмитрий Александрович!

Я рад был получить две присланные Вами книги*. Большое спасибо. Жду с нетерпением обещанную фотографию Василия Петровича (студенческую).

Жду также Вашего приезда в Москву. Предполагаю, что до 15 июня я буду в Москве, а потом, возможно, уеду на месяц.

С уважением — Налимов В.В.

4 мая 1990 г.

* Ранней весной 1990 г. я послал В.В. Налимову два сборника, опубликованные в Сыктывкарском университете: «Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера» (Сыктывкар, 1989) и «Традиционная духовная культура народов Европейского Севера: ритуал и символ» (Сыктывкар, 1990). Вторая книга, состоящая исключительно из этнологических и этносемиотических исследований, вызвала большой интерес Василия Васильевича. Он оценил уровень сборника как очень высокий. Полагаю, не в последнюю очередь это было вызвано тем, что ее главным редактором выступил Вяч. Вс. Иванов.

Глубокоуважаемый Дмитрий Александрович!

Спасибо за Ваши письма от 24.05. и 27.09. На первое письмо я Вам не ответил, так как был тогда во Франции. Мне было приятно прочитать статью Василия Петровича в газете «Молодежь Севера». Авторы очень хорошо подметили, что некоторые работы Василия Петровича воспринимаются как художественные произведения*.

Сведения о жизни ученого не обрываются 38-м годом. Имеется справка, что он умер в Сыктывкарской тюрьме № 1 в 1939 г. до вынесения приговора. Следствие он обжаловал. Сведения о месте его захоронения нет. Есть справка о реабилитации, и здесь — парадокс: как можно было реабилитировать человека, который не был осужден?!**

Относительно публикации моих воспоминаний. 1-го сентября 1990 г. я послал председателю Госкомиздата Коми АССР просьбу включить в план издания Коми книжного издательства мою книгу: «Непокорившийся. Профессор Василий Петрович Налимов в воспоминаниях сына». Ответа я, естественно, не получил.

У меня к Вам несколько просьб:

1. Можете ли Вы мне выслать несколько экземпляров ранней фотографии Василия Петровича? Я понимаю, что придется обращаться к хорошему фотографу — связанные с этим расходы я готов оплатить.
2. Можете ли Вы мне сообщить точные библиографические данные альбома «Большая Медведица»? Может быть, я сумею его найти в московских библиотеках.
3. Не могли ли бы Вы (если это не запрещено) прислать несколько фотографий сыктывкарской тюрьмы № 1?***
4. Я был бы рад получить хранящееся в архиве письмо американских коллег Василию Петровичу Налимову с просьбой о сотрудничестве (копию).
5. Насколько я помню, я передал Вам вместе с архивом**** письмо, в котором говорится, что Василий Петрович был избран пожизненным членом Общества любителей грузинской культуры. Мне бы хотелось получить копию этого письма.

Надеюсь, что скоро увижу Вас в Москве.

С уважением — В.В. Налимов.

* Речь идет о статье [Несанелис, Семенов 1990].

** В.П. Налимова арестовывали дважды — в 1933 и 1938 гг. Поводом для второго ареста послужило сфабрикованное органами НКВД дело о «контрреволюционной буржуазно-националистической организации», деятельность которой была якобы направлена «на свержение советской власти и создание буржуазной республики Коми» [Несанелис, Семенов 1996: 195]¹. В ноябре 1938 г. по обвинению в причастности к этой «организации» В.П. Налимов был арестован и этапирован в Сыктывкар. Ему было предъявлено обвинение по статье 58, пункт 10, ч. 1 и пункт 11 УК РСФСР. Налимов в ходе следствия категорически отвергал абсурдные обвинения в шпионаже и подрывной деятельности, последовательно отстаивал доброе имя своих российских и зарубежных коллег. Об этом очень отчетливо свидетельствуют протоколы его допросов. Приведу здесь лишь два небольших фрагмента:

¹ Бывший руководитель архива УФСБ по Республике Коми В.М. Полешиков справедливо пишет в своей очень интересной книге [Полешиков 1995] о моих запросах относительно судьбы Василия Петровича. Именно Вениамин Михайлович Полешиков помог получить доступ к некоторым архивным документам, связанным с судьбой Налимова, за что я ему искренне благодарен.

Протокол допроса от 3 декабря 1938 г.:

Вопр.: Вы на этой конференции [Всесоюзной краеведческой конференции 1929 г. в Москве. — Д.Н.] выступили в защиту реакционных ученых Финляндии?

Отв.: Нет, это не так обстояло. Представитель Белорусской ССР в своем выступлении-отчете о поездке в Финляндию сообщил, что существующее там финно-угорское общество занимается не наукой, а помогает агрессивной финской буржуазии в ее захватнических устремлениях за счет территорий Советского Союза расширить Финляндию до Урала. Я выступил и сказал, что характеристика финно-угорскому обществу представителем Белоруссии неверна, т.к. оно существовало к тому времени 80 лет, выпустило за это время много научных трудов и т.д., что если отдельные члены общества — финские ученые и помогают финской буржуазии в ее агрессивной политике, то не все финно-угорское общество занимается политикой. Вот в таком плане и было построено мое выступление на краеведческой конференции [Несанелис, Семенов 1996: 195].

Протокол допроса от 23 декабря 1938 г.:

Вопр.: Вы, Налимов, долгое время работали, а впоследствии поддерживали связь с реакционными финскими учеными Тальгреном и Сирелиусом.

Отв.: С Сирелиусом я познакомился в 1907 г. в Коми области, когда он приезжал собирать коллекции для этнографического музея в Гельсингфорсе. В декабре 1907 г. я был командирован Московским университетом в Финляндию, где пробыл 4 месяца. В Финляндии я встречался с Сирелиусом. Во время моего пребывания в Финляндии я занимался там только наукой. Реакционными учеными Сирелиуса и Тальгрена не считаю [Там же: 196].

Совместная экспедиция 1907 г., в которой Налимов помогал Сирелиусу, и их продолжавшееся позже знакомство стали одним из «аргументов» обвинения в контрреволюционной деятельности. Ученый скончался в сиктывкарской пересыльной тюрьме 28 декабря 1938 г. Ход следствия подробно изложен в воспоминаниях В.В. Налимова, а также в статье [Несанелис, Семенов 1996].

*** Эту просьбу В.В. Налимова выполнить не удалось, так как здание пересыльной тюрьмы № 1 не сохранилось.

**** По просьбе руководства ИЯЛИ Коми научного центра УрО РАН В.В. Налимов передал в отдел этнографии и фольклора чудом сохранившуюся часть научного архива В.П. Налимова.

Глубокоуважаемый Дмитрий Александрович!

Посылаю Вам два экземпляра своей последней книги*: один — лично для Вас, другой передайте в какую-либо библиотеку — по Вашему усмотрению. Может быть, Вы найдете возможным также что-то напечатать о моей книге в газете «Молодежь Севера» (или где-либо еще), сопоставив мой подход к проблеме человека с тем, что когда-то писал Василий Петрович. Здесь, конечно, есть какая-то, хотя и не сразу улавливаемая преемственность**.

С уважением — В. Налимов.

23 ноября 1990 г.

* Имеется в виду книга В.В. Налимова «Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности» (М., 1989). Я склонен полагать, что эта книга является одним из самых глубоких и оригинальных философских произведений последнего времени. Просьба В.В. Налимова о передаче экземпляра книги в библиотеку была выполнена.

** В 1990 г. такой материал, к сожалению, написан не был.

Глубокоуважаемый Дмитрий Александрович!

Большое спасибо за присланный Вами пакет. В нем оказалось (1) Ваше письмо, (2) два сборника, (3) фотография — очень хорошая на этот раз, (4) одно мое письмо к В.П. [Налимову. — *Д.Н.*]*. Я удивляюсь, как это все сохранилось в конверте, разорванном поперек в трех местах. Если было вложено больше писем, то повторите, пожалуйста, их еще раз. Мне очень бы хотелось получить копии тех моих писем, где я описываю колымскую природу.

С большим интересом я познакомился с обоими сборниками и особенно с Вашими тезисами, посвященными полемике П.А. [Сорокина. — *Д.Н.*] и В.П. [Налимова. — *Д.Н.*]**.

На письмо отвечаю с большим опозданием, т.к. мы только что вернулись из поездки в Брюссель и Прагу. В Праге принимали участие в международной конференции по трансперсональной психологии, где было около полутора тысяч участников. Наш часовой доклад делала

Жанна на английском языке, сопровождая его демонстрацией текстов. Воспринят доклад был очень хорошо.

Осенью в журнале «Человек» (№ 3, 4) будут опубликованы мои воспоминания о В.П. Постараюсь выслать Вам ксерокопии.

Недавно в журнале «Полис» (№ 1, 2) вышла вторая часть моей статьи «На изломе культуры». Ожидается выход 3-ей части. А четвертая, возможно, не выйдет — журнал под угрозой закрытия.

Жанна передает Вам свой привет.

С наилучшими пожеланиями, В. Налимов.

3. VII. 92.

* Речь идет о подготовленной мною копии письма, отправленного Василием Васильевичем отцу с Колымы, где Налимов-младший отбывал длительный срок по ст. 58 УК РСФСР. Оригинал (как и несколько других колымских писем В.В. Налимова) хранится в Центральном государственном архиве Республики Коми.

** Полемика П.А. Сорокина и В.П. Налимова относительно степени свободы взаимоотношений полов в коми деревне и широкого круга связанных с этой темой вопросов обсуждалась в работе [Несанелис, Семенов 1991]. В.В. Налимов проявил большой интерес к этим тезисам. Следует заметить, что Василий Васильевич вообще был хорошо знаком с научной литературой по традиционной этнографии коми. В своих воспоминаниях об отце он обращается к работам в этой области П.А. Сорокина, И. Паульсона, А.С. Сидорова, Н.Д. Конакова (см.: [Налимов 1992, № 3]).

Уважаемый Дмитрий Александрович!

Наконец, с чувством внутреннего удовлетворения, посылаю Вам ксерокс воспоминаний о Василии Петровиче. Рад буду услышать Ваш отклик*, а также и мнения Ваших коллег. Может быть, имеет смысл дать газетную заметку о выходе этих воспоминаний, подчеркнув, что они все же напечатаны только в Москве — Коми издательство издавать их отказалось.

К моему глубокому огорчению, я потерял данный Вами адрес финского ученого, которому нужно послать ксерокс воспоминаний**.

Буду Вам очень благодарен, если Вы безотлагательно пришлете мне еще раз нужный адрес.

Сообщаю, что в журнале «Полис» (№ 4) вышла заключительная глава моей статьи «На изломе культуры». В журнале «Путь» (№ 1) вышла небольшая глава — преддверие к моим воспоминаниям.

Привет от Жанны,

С уважением, В. Налимов.

20 ноября 1992 г.

Это было последнее письмо, полученное мною от В.В. Налимова.

* Как только я прочитал присланные мне воспоминания, сразу позвонил Василию Васильевичу и сказал, что давно не читал мемуары с таким неослабевающим интересом. Хотя, конечно, не со всеми идеями, сформулированными В.В. Налимовым, я был вполне согласен, о чем тоже сказал в ходе телефонного разговора. В высшей степени спорным, в частности, показалось мне содержание главы «Язычество против Православия в понимании этнографа». Воспоминания В.В. Налимова мы неоднократно цитировали в наших совместных с В.А. Семейным исследованиях.

** Работами и биографией В.П. Налимова интересовался известный финский ученый Юха Пентикяйнен, в то время руководитель департамента сравнительного религиоведения Хельсинкского университета. Вероятно, он знал о трудах Налимова по ссылкам в книге шведского этнолога Паульсона и статьях Уно Харва. Кроме того, Пентикяйнен знал о «Материалах по этнографии зырян и пермяков». Я, разумеется, сообщил повторно адрес Пентикяйнена, однако дальнейшая «финская судьба» мемуаров Василия Васильевича осталась мне неизвестной. Этнографические идеи В.П. Налимова мы также обсуждали с замечательным финским антропологом Анной-Леной Сиикалой в ходе нашей совместной экспедиции в Западную Сибирь в 1994 г. В полевых исследованиях принимали активное участие Валерий Шарапов и фольклорист Юрий Герасимович Рочев. Едва ли не каждый вечер мы с Анной-Леной, Юрием Герасимовичем и Валерием Шараповым беседовали о наших наблюдениях, сделанных в хантыйских поселениях. В.Э. Шарапов, в частности, обратил тогда внимание нашей финской коллеги на статьи и архивные материалы В.П. Налимова.

При непосредственном содействии профессора А.-Л. Сиикала в 1990-е гг. удалось частично воссоединить неопубликованные рукописные материалы В.П. Налимова по традиционной культуре (полевые записи и рукопись монографии по сравнительному изучению коми и удмуртов в 20-е гг. XX в.; подробнее об этих материалах см.: [Загребин 2009]), хранившиеся в семейном архиве Налимовых, с рукописными фондами по коми-зырянам и коми-пермякам, переданными исследователем в Архив Финно-угорского общества Финляндии в 1907–1909 гг. (подробнее об этом фонде В.П. Налимова см.: [Герюков 1999; Чагин 2007]).

В настоящее время в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН (Историко-культурное наследие и духовные ценности России) сотрудниками Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН и ИЯЛИ Коми научного центра УрО РАН начата подготовка к изданию первого собрания научных работ В.П. Налимова по истории и культуре финно-угорских народов России (подробнее о проекте см.: [Загребин 2009]).

Архивные материалы

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Коми.
Ф. 148. Оп. 1. Д. 56.

Библиография

- Валицкий А.* Россия // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 69–88.
- Гагарин Ю.В.* История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1978. 326 с.
- Голосенко И.А.* Становление: ранний этап биографии П. Сорокина // Рубеж: Альманах социальных исследований (Сыктывкар). 1991. Вып. 1. С. 33–47.
- Загребин А.Е.* В.П. Налимов в Удмуртии: к истории одного незавершенного научного проекта // Электронная энциклопедия «Налимовские чтения» (CD-ROM). Сыктывкар, 2005.
- Загребин А.Е.* Этнографические материалы 1920–1930-х гг.: к проблеме источников по истории и культуре финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 6. С. 254–260.
- Ильина И.В., Уляшов О.И.* Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар: Коми науч. центр, 2009. 224 с.
- Конаков Н.Д., Шабает Ю.П.* Историография этнографического изучения народов коми // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар: Кола, 2007. С. 3–45.
- Кротов П.П., Липский А.В.* Пути-дороги «большого человека» // Родники Пармы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. Вып. 2. С. 51–66.
- Лимеров П.Ф.* Статья В.П. Налимова «Загробный мир по верованиям зырян в контексте современных исследований» // Арт (Сыктывкар). 2000. [Без номера]. С. 124–137.

- Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 261 с. + приложение (17 с.).
- Налимов В.В.* Искушение Святой Руси. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. 352 с.
- Налимов В.В.* Мой отец // Человек. 1992. № 3. С. 93–103; № 4. С. 63–84.
- Налимов В.П.* Загробный мир по верованиям зырян // Этнографическое обозрение. 1907. Вып. 1–2. С. 3–16.
- Налимов В.П.* К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1991. С. 5–23.
- Налимов В.П.* К материалам по истории материальной культуры коми // Коми му (Сыктывкар). 1925. № 2. С. 14–18.
- Налимов В.П.* К этнологии коми // Коми му (Сыктывкар). 1924. № 3. С. 43–50.
- Налимов В.П.* Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян // Этнографическое обозрение. 1903. Вып. 2. С. 78–79.
- Налимов С.И.* Преображенное село. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. 79 с.
- Несанелис Д.А.* Встреча и переписка с Василием Васильевичем Налимовым // Арт (Сыктывкар). 1999. № 3. С. 146–154.
- Несанелис Д.А.* Символические формы поведения в традиционной культуре народов Севера. Архангельск: Поморский университет, 2006. 153 с.
- Несанелис Д.А., Семенов В.А.* Взгляды В.П. Налимова на традиционный общественный быт коми крестьян // Методологические проблемы изучения истории общественной жизни народов России конца XIX — начала XX вв. Казань: ИЯЛИ Казанского науч. центра АН СССР, 1990. С. 145–151.
- Несанелис Д.А., Семенов В.А.* Долгий путь Питирима Сорокина // Сорокин П.А. Этнографические этюды. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. С. 4–17.
- Несанелис Д.А., Семенов В.А.* К критике некоторых этнографических идей П.А. Сорокина // Вестник культуры Коми ССР. 1991. Вып. 4. С. 85–87.
- Несанелис Д.А., Семенов В.А.* «Не порывал связи с сородичами и всячески стремился к познанию культуры своего народа» этнограф Василий Налимов // Молодежь Севера (Сыктывкар). 1990. 7 сент. № 107. С. 3.
- Несанелис Д.А., Семенов В.А.* Одна Родина — две судьбы // Арт (Сыктывкар). 1997. [Без номера]. С. 266–278.
- Несанелис Д.А., Семенов В.А.* Профессор В.П. Налимов — «финский шпион» // Родники Пармы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. Вып. 4. С. 194–199.
- Несанелис Д.А., Семенов В.А., Агапцова М.Г.* Этнограф Василий Налимов // Они любили край родной. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 270–273.

- Несанелис Д.А., Терехин Н.М.* Православие и традиционная культура народов Европейского Севера России // Вестник Поморского университета. 2005а. Вып. 2. С. 53–63.
- Несанелис Д.А., Терехин Н.М.* Русская Православная Церковь в исторических судьбах народов Севера // Шестые Иоанновские образовательные чтения — 2004. Архангельск: Поморский гос. ун-т. 2005б. С. 50–53.
- Несанелис Д.А., Терехин Н.М.* Традиционная социальная экология европейских ненцев в сценариях мироустройства // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий (Сыктывкар). 2008. № 1. С. 79–89.
- Несанелис Д.А., Шаранов В.Э.* Мотив «раскачивания» в мифопоэтических представлениях народов коми // Традиционное мировоззрение и духовная культура народов Европейского Севера. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1996. С. 77–96. (Труды ИЯЛИ. Вып. 60)
- Несанелис Д.А., Шаранов В.Э.* Мотив «раскачивания» в традиционном мировоззрении коми и обских угров // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 8–9. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 304–313.
- Отзыв А.Н. Максимова о «Материалах по этнографии зырян и пермяков В.П. Налимова, представленных на соискание премии имени Великого князя Сергея Александровича // Этнографическое обозрение. 1910. Кн. 86–87. № 3–4. С. 263–268.
- Полещиков В.М.* За семью печатями: Из архивов КГБ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 272 с.
- Сальников С.* К истории одного путешествия // Арт (Сыктывкар). 2000. Вып. 1. С. 100–108.
- Терюков А.И.* Из истории изучения обрядов жизненного цикла народов коми // Арт (Сыктывкар). 1999. № 3. С. 130–135.
- Терюков А.И.* Этнографические исследования В.П. Налимова // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар: Кола, 2007. С. 74–82.
- Флоренский П.А.* Детям моим. М.: Московский рабочий, 1992. 560 с.
- Чагин Г.Н.* В.П. Налимов — исследователь иньвенских коми-пермяков // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар: Кола, 2007. С. 82–102.
- Шаранов В.Э.* Материалы В.П. Налимова по традиционному мировоззрению коми в исследованиях европейских финно-угроведов 1 пол. XX века // Арт (Сыктывкар). 2000. [Без номера]. С. 144–148.
- Holmberg U.* Finno-Ugric, Suberian. The Mythology of All Races. N.Y.: Cooper Square Publishers. 1964. Vol. 4. 585 p.
- Iso Karhu.* The Great Bear / Ed. by I. Lehtinen. Lahti: Painosilma Oy, 1980. 153 с.
- Nalimov V.P.* Faces of Sciences. Philadelphia, PA: ISI-Press, 1981. 297 p.
- Sorokin P.A.* A Long Journey. New Haven, Conn.: College and University Press, 1963. 327 p.